Судьба везде тебя найдет.

Не могу тебя забыть

Роман

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Наталия Миронина

Не могу тебя забыть

Серия «Счастливый билет»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854580
Не могу тебя забыть: Эксмо; М.; 2020
ISBN 978-5-04-109789-9

Аннотация

Инна подумала, что муж ей изменил, и выгнала Олега без объяснений. Он, оскорбленный, ушел, не желая ничего говорить. Оба решили устроить личную жизнь и сменить профессию. Но будут ли они счастливы друг без друга в новых отношениях?

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 27
Глава третья 67
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Наталия Миронина
Не могу тебя забыть

© Миронина Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Она надвинула платок на лоб и подергала толстые чулки – они тотчас опустились складками на щиколотках. Затем она надела очки с толстыми линзами и достала трость. Трость была телескопической – из короткой она превратилась в обычную, с какими ходят старики и хромающие люди. Теперь можно было войти в метро. Она неуверенно толкнула тяжелую дверь и засеменила к турникетам. Ее тронули за локоть.

– Вы плохо видите? Вам помочь? – раздался женский голос.

– Сама, сама… – пробормотала она еле слышно.

– Осторожней, – посоветовали ей, и силуэт исчез из поля зрения.

Она осторожно шагнула на двигающуюся лестницу. Мутные изображения светящихся плафонов поплыли мимо.

Где-то на середине пути она сняла очки и спрятала их в сумку. Потом стянула платок и сложила трость. На эскала-

тор станции метро «Краснопресненская» зашла подслеповатая старуха, вниз, на перрон, вышла молодая женщина с зорким взглядом. Она решительно потолкалась среди садящихся в поезд людей и в вагоне успела занять удобное место. «Что ж, вот и еще сэкономили полтинник!» – подумала она с удовлетворением и переложила смятую купюру из одного кошелька в другой. За всеми манипуляциями, которые она проделывала в метро, она не заметила мужчину, который с интересом за ней наблюдал – сначала, когда она спускалась на эскалаторе, потом на перроне и, наконец, в вагоне. На следующей остановке мужчина вышел, а она поехала дальше, даже не догадываясь, что ее уловка разгадана другим человеком.

Глава первая

Олег Федотов утром прилетел из Кедровки. Кедровка – это поселок на краю таежных лесов. Зимой занесенный снегом, коротким летом согретый неярким солнцем. В остальные месяцы года, по выражению самого Федотова, там было «стабильно холодно и стабильно неприветливо». Кедровка, еще недавно состоящая всего из нескольких домов, переживала строительный бум. Месторождение газа, открытое недавно, привело сюда специалистов отрасли, строителей, трубоукладчиков и всех тех, кто помогал наладить здесь быт. Дальше Кедровки на многие километры уже не было населенных пунктов, там начиналась тундра с ее ледяными ветрами. Этот полярный воздух иногда достигал поселка, и тогда никакая одежда не спасала от пронизывающего ветра. Зимой температура могла доходить до минус шестидесяти. Олег Федотов, впервые прилетевший сюда, вез в чемодане ватник и тулуп. И если тулуп он надел пару раз, то ватник, пахнущий почему-то хозяйственным мылом, так и остался лежать в чемодане.

– Современные ткани обладают удивительными свойствами, – снисходительно пояснил Семен Александрович Шпаликов, который сопровождал Олега в первой поездке, – они непродуваемые, теплые и легкие. Здесь носят современную одежду.

Шпаликов, который был лицом номер один в строительном управлении, уходил на пенсию. На свое место он рекомендовал Олега Федотова. Федотов, имеющий за плечами неплохой опыт, с такими масштабами сталкивался впервые. К тому же так получилось, что последние годы он вообще проработал в школе учителем математики.

Там, где утверждали его кандидатуру, удивились предложению Шпаликова:

– Странный факт биографии – человек бросает высокооплачиваемую работу в родном городе, переезжает в Москву, чтобы стать учителем в школе?!

Семен Александрович не моргнув глазом пояснил:

– Так получилось. Человек изменил свою жизнь из-за любви! И профессию свою поменял тоже из-за любви.

Высокое начальство подняло брови, но Шпаликов был человеком авторитетным, и к нему прислушались. Так Олег Федотов, еще вчера преподававший алгебру десятиклассникам, пришел начальником в строительное управление нефтегазовой отрасли.

Что же касается любви, то Шпаликов не врал – Олег Федотов оказался в Москве ради той, в которую был влюблен с семнадцати лет и с которой смог соединить жизнь только в двадцать восемь лет. С ней он расстался два года назад без всяких объяснений. И еще у Олега был сын Степан, которому исполнилось пять лет. Все эти обстоятельства Шпаликову были известны. В близких дружеских отношениях они с

Олегом не были, но, по натуре резкий, Семен Александрович как-то сказал:

– Ничего хорошего в разводах нет. Поверь. Я не раз жалел, что со своей Ириной развелся.

Олег тогда промолчал. Его история любви с Инной Соломатиной была действительно необычна – не каждая любовь выдержит испытание десятилетием. Но оригинальные люди оригинальны во всем – разрыв их был тоже неординарным. Однажды Олег приехал домой и увидел в прихожей чемоданы. В них были его вещи. Он, не говоря ни слова, взял их и ушел из дома. Его жена Инна так и не объяснила ему причину своего поступка. Конечно, в их совместной жизни были проблемы, но не того свойства и порядка, чтобы расставаться, да еще так.

Но они расстались. Официального развода не было – никто из них в суд не обращался. Федотов исправно и щедро переводил деньги, чтобы Инна и Степан ни в чем не нуждались. Инна эти деньги старалась не трогать. Она всегда была щепетильна в финансовых вопросах и к тому же всегда работала.

За все время с минуты расставания они ни разу не виделись. С сыном Федотов встречался при каждом удобном случае, но забирал его у бабушки с дедом – родителей Инны. Те зятя любили, дочь побаивались, а потому ни слова не спрашивали, только бабушка безмолвно сокрушалась, вздыхая и покачивая головой, когда Степан радовался отцу. Так полу-

чилось, что в этой немаленькой семье – Инна Соломатина, Олег Федотов и сын их Степан и родители Инны – люди все оказались воспитанными, вежливыми, а потому дрязг и выяснений не было. Внешне все было очень пристойно, но от этого ситуация не становилась легче – расставание Инны и Олега было похоже на то, как ломают ветку. Ломают резко, с хрустом, и остается потом слом неровный, с занозистыми краями, о которые так легко поранить руки.

Наверняка каждый из них думал, что надо бы поговорить, объясниться, но время шло, и никто первого шага не делал. Люди вообще порой проявляют неуемную энергию, когда надо бы действовать спокойно, и пассивны, когда надо быть решительными.

Самое удивительное во всем этом, что пятилетний Степан не задавал никаких вопросов, словно приходящий папа, недельные пребывания у бабушки и выходные с мамой – это абсолютно привычная и нормальная ситуация. Инна Соломатина часто наблюдала за мальчиком, стараясь разгадать, что стоит за этой детской невозмутимостью.

Этот перелет был сложным. Из Кедровки вылетели поздно – вертолету не разрешали взлет из-за погодных условий. Когда же они добрались до районного центра, выяснилось, что циклон сместился в ту же сторону, что и они. Олег, еще несколько человек из управления и бригада укладчиков застряли там. Районный центр уже был занесен снегом, кое-где

еще стояли нарядные елки – отголоски Нового года. Федотов здесь никогда не задерживался больше чем на пару часов, но сегодня захотелось побродить по темным и вьюжным улицам. Всплывали какие-то детские воспоминания – возвращение поздними вечерами из школы, предвкушение праздника и острый интерес к чужим окнам. Этот интерес не был постыдным. Просто было желание подсмотреть Новый год в семье, в доме, где есть и дети и родители. Федотов иногда специально шел мимо одной пятиэтажки – там на втором этаже сквозь тонкие шторы можно было видеть ковер на стене, полки с книгами и верхушку нарядной елки. Олег останавливался перед окном и скорее представлял, чем видел, обитателей этой квартиры – родителей и сына. Еще он придумывал, какие подарки взрослые подарят мальчику. С течением времени детали тех дней стерлись, а вот воспоминание о темной снежной улице осталось. И вот сейчас Федотов, жмурясь от летящих колких снежинок, обошел пару улиц районного центра и вернулся в гостиницу. На душе был покой. Уже поздно ночью самолет компании доставил их до областного центра, а оттуда они уже вылетели в Москву регулярным рейсом Аэрофлота.

Смена часовых поясов всем испытание для организма – Олег, не спавший уже более суток, чувствовал себя бодрым, но это была иллюзия. Он знал, что как только войдет в дом и увидит диван, то рухнет и провалится в сон. Так уже было не раз. Он засыпал часов на двенадцать, а проснувшись, пытал-

ся понять, где он и какое время суток сейчас. Эта вот чехарда со временем была, пожалуй, единственной проблемой в его работе. Остальное – трудности управления людьми, климатические катаклизмы региона, начальство и проверяющие – все это было тоже нелегко. Но это было частью работы, которую он любил и с которой хорошо справлялся.

Ему лично этот его неожиданный переход из школы, где он работал учителем математики в старших классах, в строительное управление газового ведомства до сих пор казался чем-то волшебным. Но кто мог знать, что Семен Александрович Шпаликов, бывший начальник этого управления, который оказался еще и отцом его ученика, на свое место порекомендует именно его, Олега? Первое впечатление от Шпаликова у Олега было крайне неприятное – крикливый и вздорный человек. Но, уходя на пенсию, он, как лев, боролся за Олега. И за это Федотов был благодарен Шпаликову. А еще за то, что первое время был всегда рядом, летал с ним на объекты, знакомил с людьми и вводил в курс дела. Хотя возраст уже и давал себя знать.

С переходом на новую должность жизнь Олега резко поменялась. И эти перемены носили как внешний, так и внутренний характер. Первое время он сам себе не верил. И дело было не в персональной машине, прекрасной квартире, которую он купил очень скоро, и не в загородном доме, которые оплачивало управление. Дело было в том драйве, ко-

торым наполнилась его жизнь. Федотов не просиживал в кабинете и не проводил многочасовые совещания. Большую часть времени он был на объектах, там, где тянули трубопровод, где работали вахтовым методом, строили дома для рабочих и осваивали новые пространства. От масштаба задачи, от величия окружающей его природы перехватывало дыхание. Федотов хорошо учился в школе и географию страны знал неплохо. Но одно дело фотография в учебнике и документальное кино, а другое дело – видеть это все своими глазами. А картина представала настолько грандиозная, что казалось, попадаешь на другую планету. Именно в один из своих перелетов Федотов вспомнил высокомерные и модные в Москве слова: «За МКАД жизни нет!» «Есть. И еще какая!» – сказал сам себе Олег. Он невольно сравнивал родной маленький Озерск, огромную Москву и все то, что видел сейчас. И это сравнение повергало его в восторг: земля – с лесами, озерами и реками – казалась ему грозной. Грозной и в то же время очень надежной, поскольку это была его земля, родная. Пафос никогда не был свойственен Олегу, но, глядя в иллюминатор на расстилающуюся тайгу, он не мог справиться с чувствами.

Было бы ошибкой сказать, что на новом месте отношения с людьми складывались просто. Скорее наоборот. Некоторые считали его карьеристом со связями и относились враждебно, даже не успев толком узнать. Другие на всякий случай были чересчур дружелюбны. Третьи не торопились с выво-

дами – им надо было посмотреть на поступки нового руководителя. На месте, в Кедровке, куда он в первый раз прилетел со Шпаликовым, его приняли настороженно-насмешливо, и только рекомендация Семена Александровича смягчила эту реакцию. По-видимому, никто из местных не верил, что новый начальник будет сам все лично проверять, пропадать в Кедровке неделями и прилетать сюда при каждом спорном случае. Так делал Шпаликов, но таких руководителей мало. И каково же было удивление, когда московский начальник практически поселился в поселке. Когда же люди поняли, что Федотов еще и специалист, не ворюга и не рубит сплеча, справедлив в гневе, отношение к нему изменилось.

– Молодец, завоевал людей! – похвалил его как-то Шпаликов.

Впрочем, недоброжелатели были, враги и завистники тоже. Ну а с другой стороны, где их нет. Шпаликов долго не отпускал Олега в «свободное плавание», и помимо полезных практических вопросов он обсуждал с ним вопросы «политические». Управление было большим, и страсти кипели там нешуточные. Группировки, расстановка сил, разведка, атака – весь этот почти военный лексикон вызывал у Олега настороженность. Шпаликов, заметив это, сказал:

– Не верю, что ты чистоплюй. Ты же работал, у тебя же опыт. Люди всегда дерутся за власть и деньги. Поэтому надо точно знать, кто тебя окружает.

– Я старался не вмешиваться в такие дела, – отвечал Олег.

– Если хочешь работать, то есть управлять людьми и делать дело, тебе придется быть в курсе всех интриг. Информация – это рычаг управления.

Олег потом вспомнил Шпаликова. В интриги он не ввязывался, но за обстановкой следил зорко.

В этот раз в Москву Олег приехал ненадолго. Надо было отчитаться, отобрать нужных людей и встретиться с поставщиками оборудования. На это Олег отвел себе дней семь, а затем снова собирался вернуться в Кедровку. Дома он, не разбирая чемодан, принял душ, наглухо задвинул шторы и лег спать. Усталость сковала его, но, к его удивлению, сон куда-то пропал. Он взял в руку мобильник и пролистал телефонные номера. Нашел нужный. Он уже было собрался нажать кнопку «вызов», как мобильник ожил – раздался звонок, экран замигал. Федотов замешкался – ему показалось, что звонит та, чей номер он только что рассматривал. Но звонили с работы – водитель интересовался, когда завтра заехать за ним. Федотов коротко ответил и опять отыскал телефон Соломатиной.

«Вот я сейчас просто возьму наберу ее телефон. Просто так. Поздороваюсь, спрошу, как Степан! Это так легко – позвонить. Без особой цели, без подготовки, не повторяя про себя слова приветствия, которые должен сказать!» – думал Олег. Впрочем, он знал, что не позвонит, не спросит. О сыне он все узнает от бабушки с дедушкой. А этого разгово-

ра, который запросто мог бы состояться, никогда не будет. За окном темнело, скоро наступит вечер, а Федотов лежал, не двигаясь, не зажигая огонь, не раздвигая шторы. Возвращение в Москву было для него всегда событием. Интересно, просто удивительно, как интересно! И что это значит?! – подумал он.

Москва для него всегда обозначала не столько дом, сколько город, в котором живут его сын и Инна. От этой мысли ему всегда становилось теплей, и он пытался представить, что будет, если он сейчас возьмет и просто наберет их телефон. Но дальше мыслей дело не шло. Он не знал, как отреагирует на звонок Инна. И чем дальше шло время, тем больше вопросов и тем больше страхов появлялось. Это были не нервические страхи, которые свойственны и мужчинам, и женщинам. Это были реальные опасения, что возврата в прошлое не будет. И только от этой мысли ему становилось не по себе. Казалось, он придерживался точки зрения «только бы хуже не сделать!».

А куда уж хуже?! Инна Соломатина переложила толстую папку в дальний ящик. Это была ее диссертация. Она ведь все-таки защитилась. В конце концов, теперь Олег Федотов не упрекнет ее, что она пошла в стюардессы, увлекалась такой сложной, но интересной работой, а науку забросила. Вот теперь он не сможет ей ничего сказать. Из авиакомпании она тоже ушла. Причин на то было несколько. Во-первых,

сын. Степан у бабушки прекрасно себя чувствовал, бабушка с дедушкой в нем души не чаяли, и однажды он отказался ехать с ней домой. Соломатина вернулась из Индии, привезла диковинные игрушки, но все было напрасно. Дед (отец Инны) обещал внуку историю про строительство Останкинской башни, а потому ехать никуда нельзя.

Инна поуговаривала Степана, да и бросила. В конце концов, ребенок не виноват, что родители его такие бестолковые, не смогли ни свою жизнь организовать, ни его.

Соломатина вернулась на предыдущее место работы. В школе переподготовки пилотов и стюардесс ее встретили радостно – она когда-то там работала врачом-психологом, сюда она уже намеревалась вернуться, имея степень кандидата медицинских наук.

– Да, вопросов нет, мы вас ждем, – сказали ей в кадрах.

И действительно, такой врач-психолог, как Инна Соломатина, был находкой. Инна имела высшее медицинское образование, опыт лечебной работы, сертификат пилота-любителя, профессиональный опыт стюардессы на внутренних и международных линиях. На этих курсах она работала до того, как пошла в стюардессы. Тогда, несколько лет назад, понаблюдав за людьми, которые бóльшую часть времени проводят в воздухе, она решила выяснить, как экстремальные условия влияют на характер и поведение людей. Но, показалось Соломатиной, наблюдений было недостаточно. Надо было на себе испытать этот тяжелый график перелетов, сме-

ну климатических и часовых поясов, пребывание в замкнутом пространстве и взаимодействие с людьми, которые, как правило, боятся перелетов. Именно контакт с пассажирами и обратная связь очень интересовали Инну. После некоторых раздумий она устроилась стюардессой. И неожиданно «романтика неба», дальние страны на время отодвинули и диссертацию, и работу врача. Ее муж Олег Федотов несколько раз напоминал ей о диссертации, но она тянула время, придумывая различные причины.

И вот теперь, расставшись с мужем, имея на руках подрастающего сына, она вернулась туда, где так неожиданно начинала меняться ее жизнь. Придя в свой врачебный кабинет, она вдруг поняла, как был прав муж. «Надо было давно это сделать – мое место здесь. А работа стюардессой – это так, ради интереса. Просто еще один навык!» – подумала она.

Люди расстаются по-разному. Инна и Олег расстались молча, не проронив ни единого слова, не задав друг другу ни одного вопроса. Увидев в прихожей собранные вещи, Олег понял, что его выставляют из дома. И хотя, скорее всего, он не понял, почему и за что, он молча покинул дом. Инна в это время была в своей комнате. Она не вышла в прихожую. Соломатина дождалась, пока за Олегом захлопнется дверь. Он ушел. Она осталась. Так их семья прекратила существовать.

Теперь, по прошествии нескольких лет, расставшись с Олегом, она его не забыла и все чаще и чаще мысленно со-

ветовалась с ним. Она вспоминала мужа, их споры, задушевные разговоры за чаем, как он возился с сыном, как читал ему книжки и уговаривал съесть кашу. Инна представляла их близость, поцелуи, их долгий путь друг к другу, она не вспоминала только тот день, когда выставила его из дома. Ей казалось, что этот вечер просто стерт из ее памяти. И эта выборочная амнезия имела свою причину. И причина была некрасивая. Инна старалась не думать, как ее муж справился со всеми своими вещами – ведь в одной руке он должен был держать трость. Ее муж был инвалидом. Человеком, получившим сложнейшую травму, но сумевшим справиться с этим обстоятельством. Недаром все, кто знал и благоволил к Федотову, за его спиной качали головой: «Он просто молодец! Герой! С такой ногой и так уметь работать!» Инна это все знала и вместе с тем прекрасно понимала, что невозможно удержать две сумки, портфель и трость. А оставить что-то он не мог. И это Инна понимала – Олег Федотов никогда бы не воспользовался сомнительным поводом для возвращения в дом, из которого его так выставили.

Варя Мезенцева, стюардесса, с которой когда-то работала и подружилась Инна, по этому поводу сказала:

– Сколько бы ты ни мучилась, забыть это не сможешь. Тебе ли, психологу, это рассказывать! Ты не забудешь, пока не позвонишь ему и не объяснишься.

– Я – не могу! – твердила Инна.

Она понимала, что эти воспоминания сродни тем воспо-

минаниям о постыдных проступках, которые обычно не идут из головы и вызывают приступ жгучего стыда. И как человек, разбирающийся в тонкостях психологии, она понимала, что есть одно лекарство от этих разъедающих воспоминаний – разговор, объяснение. Но в силу своего характера не могла сделать первый шаг.

Варя Мезенцева, из добрых побуждений, желая восстановить семью подруги, нарочно подливала масла в огонь:

– Он сам не позвонит. По двум причинам. Первая – он очень самолюбив, и на это есть веские основания. И второе – он может быть оскорблен…

В этом месте Соломатина взвивалась:

– Он?! Оскорблен?! Он мне изменял, и он еще оскорблен?!

Здесь они подходили к главному – к причине расставания. И разумная Варя Мезенцева мягко укоряла подруг:

– Ну ты же ни в чем не уверена. Ты не поговорила с ним. В глаза ему не посмотрела. У тебя нет доказательств!

– Есть! – упрямилась Инна Соломатина.

Ей не хотелось быть абсолютно виноватой в этой истории. Ей не хотелось верить, что просто так, сгоряча она поступила нехорошо по отношению к мужу. Ей не хотелось думать, что именно она виновата в распаде семьи. К тому же чем больше времени проходило, тем больше сомнений ее одолевало – ведь ее подозрения о неверности мужа основывались, в сущности, на словах одного лишь человека – Ани Кулько. А что

такое Аня Кулько, Соломатина очень хорошо знала. Не было, наверное, такой меркантильной, хитрой и предприимчивой дамы, как эта самая Аня.

Они были знакомы со студенческой скамьи и прошли через многое. Они были влюблены в одного человека, они работали бок о бок в одном учреждении, они считались близкими подругами. И не было большего врага у Инны Соломатиной, чем ее подруга Аня Кулько. Тогда почему именно ей поверила Инна? Не выслушала мужа, не попыталась разобраться в ситуации, а поверила на слово и одним действием разорвала отношения с мужем. Варя Мезенцева только вздыхала по этому поводу:

– Ты импульсивна. Ты просто не подумала. Но это можно исправить. Постарайся это сделать. Ты же знаешь, как Олег относится к вам, как о вас заботится.

Соломатина знала. Благодаря решительности и трудоспособности мужа у них была своя квартира, долг по ипотеке был погашен. Благодаря деньгам мужа ни Степан, ни Инна ни в чем не нуждались. На карточку Инны ежемесячно поступала хорошая сумма. Но Инна про себя злилась на все это – ей иногда казалось, что Олег Федотов так откупается, пытается загладить свою вину.

– Так почему ты не подашь на развод?! – поднимала брови подруга Варя. – Подай на развод, оборви все. Откажись от помощи.

– Я его деньгами не пользуюсь. Ни копейки не взяла. Ты

же отлично об этом знаешь! Эти деньги не тронуты. Только если что-то очень срочное, для Степки. И потом, я сама очень неплохо зарабатывала и зарабатываю.

Это было правдой, Варя Мезенцева знала. Она с болью смотрела на подругу. Инна Соломатина и Олег Федотов, дорогие ей люди, совершили ошибку, которая терзает их обоих и делает уязвимым их сына. Как им помочь, она не знала.

Однажды она набралась храбрости, позвонила Олегу Федотову и попросила о встрече.

Варе Мезенцевой было двадцать пять лет, она была моложе Соломатиной, но здравого смысла в ней было предостаточно. Правда, он куда-то пропадал, когда речь заходила о командире воздушного судна, с которым она летала. Все дело в том, что Варя была в него фатально влюблена и уже несколько лет ждала, когда тот уйдет из семьи и женится на ней.

Периодически Варя принимала «окончательные» решения, рвала отношения, но через какое-то время эти отношения опять возобновлялись. Одним словом, как человек душевно измученный и как хороший друг, Варя решилась на поступок. Она за спиной Инны поехала на встречу к Олегу Федотову.

Варя знала о необычайном карьерном взлете Олега, но все же не ожидала увидеть то, что увидела. А увидела она огромную приемную, двух секретарей, охрану, персонального во-

дителя и кабинет, похожий на зал. Олег Федотов встретил ее у дверей, проводил к мягким креслам, усадил, предложил чай и кофе.

– Спасибо, я ничего не хочу, – пробормотала Варя.

Она очень стеснялась своей миссии. Она боялась обидеть Олега и боялась подвести Инну.

– Тогда давай есть конфеты. – Олег рассмеялся и подвинул к ней вазочку с пастилой.

– Да, я вспомнила, ты всегда любил зефир и пастилу, – улыбнулась Варя.

– Да, у нас был всегда дома запас, – ответил Олег.

«Дома – запас! – подумала Варя. – Дом у него только один. С Инной и Степкой».

– Олег, я приехала поговорить о вас, – решительно начала Варя, – понимаешь, Инна очень переживает. Степка растет и очень скоро начнет задавать вопросы об устройстве его семьи. Думаю, тебе тоже не просто. Может, ты сделаешь первый шаг? Может, ты позвонишь Инне?

Федотов слушал Варю и улыбался. Он был рад видеть ее. В Мезенцевой было то, что он так ценил в людях, – прямота и честность. Даже ее история с женатым КВС была какой-то наивно честной. Иначе бы она не рвала с этим человеком отношения каждые полгода, пытаясь жить правильно, никого не обманывая. Федотов любил Варю, как любят хорошего друга или родного человека. Только сейчас Мезенцева не понимала, что на самом деле произошло между ним и Соло-

матиной.

– Варя, я очень люблю Степана и постараюсь ему все объяснить…

– Очень нужны ему твои объяснения! – в запальчивости воскликнула Варя. – Ему папа нужен. А Инне… Инне нужен ты. Она любит тебя. Поверь мне.

– Я тебе верю. Я тебе верю, как никому не верил раньше. Ты очень хорошая. Но видишь ли… Все намного хуже, чем кажется со стороны…

– У тебя появились отношения? Или были? Инна права? Ах, это не мое дело! И я не должна была приезжать… Но так же нельзя! Вы же даже не разговариваете друг с другом!

– Это плохо, но, видишь ли, иногда не хочется разговаривать…

– А ей хочется. Я точно знаю. Она все время о тебе думает.

Олег вздохнул.

– Варя, я всегда буду о них заботиться. Поверь мне. Ни Инна, ни Степан ни в чем не будут нуждаться. Это касается не только денег. Это касается вещей и нематериальных. Но это все, что я пока могу Инне дать. На большее я не способен. Между нами всегда были сложные отношения. Ты же знаешь…

– Я знаю…

– Варя, и ты тоже… Если нужна помощь, обязательно звони… Я тебя очень прошу… На свете не очень много родных и близких мне людей. А те, которые есть, должны быть

счастливы.

Варя Мезенцева смотрела на Олега и чуть не плакала. Что-то такое правильное и такое доброе было в этом человеке. И был он так красив, и никакая сломанная нога его не портила, и трость его не делала ущербным или неловким. Он был сильным, внимательным и каким-то совершенно из другого времени. Когда мужчины были рыцарями, способными на все ради любви и друзей. Варя Мезенцева о таких читала в книжках. Но не видела в жизни. Олег Федотов был первым.

– Извини, я не должна была приезжать сюда. – Варя поднялась. – Вы сами как-нибудь разберетесь.

– Хорошо, что приехала. Я рад был тебя видеть. – Олег не стал ее удерживать. По его глазам было заметно, что он хочет еще о чем-то спросить. Варя догадалась.

– Все по-прежнему. Она тебя ждет, – пробормотала Мезенцева и вышла из кабинета.

Варя чувствовала себя предательницей. «Если Инна узнает, она меня убьет! И Олегу было сегодня неприятно видеть меня», – думала она, входя в метро. Еще она думала о том, что компромисс – это не самая плохая штука. Вот она, например, любит человека несвободного, и он ее любит, но есть третий человек между ними. И все они в мучительном компромиссе. Варя усмехнулась и ужаснулась своим мыслям. Но, вспоминая лицо Олега Федотова и тоску в его глазах, подумала, что разлуку с любимым бы не вынесла. Мезенцева понимала, что должна уговорить Инну сделать пер-

вый шаг – в конце концов, именно она сделала первый шаг на пути к расставанию.

Олег из окна кабинета видел, как Варя идет по улице. Он хотел, чтобы она задержалась у него, ему хотелось поговорить с ней подольше – Варя была связующим звеном между им и Инной. Да, забирая почти каждую неделю сына от бабушки, он мог бы сколько угодно расспрашивать о том, как живет его бывшая жена. Но по обоюдному молчаливому уговору ни он, ни мать Инны ничего не обсуждали. Только Степана, его здоровье, его успехи, его проделки. Олег Федотов провожал взглядом Варю Мезенцеву и со страхом думал, что время неумолимо разводит его и его бывшую семью все дальше и дальше. Еще он понимал, что бы Инна о нем ни думала, в чем бы его ни подозревала, он не имеет права оправдываться. Он не виноват. И убежденность в своей невиновности, обида на поступок жены не позволяли ему предпринять попытку помириться. Федотов еще немного постоял у окна. Потом позвонил секретарю – через три часа он вылетал в Кедровку. Там он пробудет всего пару дней и вылетит в Питер, а после опять в Москву. С некоторых пор география его перелетов стала обширнее – к его обязанностям прибавились представительские функции и обязательное участие в международных встречах. Нельзя сказать, что это разнообразие его радовало. Но суета перелетов, многообразие лиц и огромное количество обязанностей не позволяли замыкаться на собственных переживаниях. Вот и теперь Олег смот-

рел вслед Варе и думал о том, что ему совершенно не хочется лететь на следующей неделе в Прибалтику – там и без него бы все решили, но высокопоставленный представитель управления придал бы вес всей делегации. А потому руководство проекта посылает Федотова. А еще Шпаликов напомнил ему, что его работа заключается не только в полетах в Кедровку. Он должен быть везде, где есть интересы компании и куда ездят сотрудники управления.

– Понимаю, романтично – тайга, месторождения, первые метры трубопровода… Вся эта телевизионно-киношная трескотня имеет место быть, но дел по горло и в Питере, и в Москве, и в Калининграде, – по обыкновению резко говорил Семен Александрович. И Федотов молча соглашался.

Теперь Олег смотрел в окно и уже не помнил, о чем они говорили с Варей, только привычное тянущее душу чувство сейчас усилилось. «Да, надо захватить копии проектов, почему их до сих пор не принесли?» – подумал Олег и набрал номер секретаря. Тот вбежал в кабинет с ворохом папок, стал раскладывать на столе стопки листов. Федотов внимательно читал заполненные убористым шрифтом страницы. Так повседневные служебные дела на какое-то время заслонили горечь обиды и тоску по семье.

Глава вторая

Инна Соломатина была психологом. По образованию, по профессии и, как всем казалось, по призванию. Да, она умела найти подход к людям. И могла без нажима узнать все, что ей надо было узнать. Учитывая место ее работы – курсы переподготовки пилотов и стюардесс, навык этот был очень ценным. Летные профессии, вне зависимости от специализации, были в группе риска. История знает случаи, когда психологическое состояние кого-то из членов экипажа ставило под угрозу полет. Но и просто напряженная атмосфера в салоне, конфликт между стюардессами ни к чему хорошему привести не могут. Инна все это знала не только из теории психологической совместимости, но и из личного опыта – все же она в качестве стюардессы налетала много часов. На защите диссертации все каверзные вопросы были отметены, как только Соломатина сослалась на собственный опыт. Вообще Инна была хорошим специалистом, из разряда тех, кто учится ежедневно и с интересом следит за новейшими достижениями психологической науки. И только к своей собственной жизни она не могла применить профессиональные знания.

Как известно, поводов для развода много, а причин всего две. И причины эти просты – либо не хватило терпения и любви преодолеть тяжелый момент, либо вообще не стоило

идти в загс. Как специалист Инна это отлично сознавала. Но как женщина она совершенно запуталась в том, что произошло в их жизни. И какая все-таки причина лежала в корне их расставания, она не знала. Соломатина была психологом, но разложить на составляющие их собственную историю у нее не получалось.

А история была длинной. Познакомились школьниками. Она – девочка-отличница, выросшая в строгости. Он – детдомовец, одаренный мальчик, математик, которому пророчили ученую славу. Они влюбились рано, расстались, не забывали друг друга и, наконец, встретившись через десять лет, решили порвать все старые связи и быть вместе. Надо было обладать большим запасом прочности, действительно любить, чтобы решиться на подобный шаг. Они решились, пожертвовав тем, к чему уже привыкли. Они стали семьей с замечательным сыном Степаном. И они расстались. Так решила Инна. Это она собрала вещи Олега и выставила их в прихожую. Он же молча, не задав ни одного вопроса, ушел.

Когда Варя Мезенцева, руководимая жалостью и любовью к своим близким людям, приехала к Олегу в надежде помирить их, она не подумала, что у Олега Федотова, человека сложной судьбы, человека, в детстве ставшего инвалидом, взгляды на людские отношения несколько иные. И требования к отношениям иные. Планка Олега Федотова была высокой. Он был добрым и снисходительным – эти качества делают сильного мужчину еще более сильным. Но психология

«одиночки», человека, привыкшего полагаться только на себя и ни в коем случае не быть обузой другим, наверное, заставляла его остро реагировать на несправедливость. И Варя Мезенцева это понимала, и сама Соломатина понимала, что Олег заслуживал иного отношения. Но…

Но время шло, а Инна даже не пыталась наладить контакт с Олегом. Когда Варя Мезенцева заговаривала с ней, Соломатина отвечала:

– Я не понимаю примирения ради ребенка. Рано или поздно старые конфликты выползут наружу.

– А что, ничего, кроме ребенка, вас больше не связывает? – интересовалась Варя.

– Я не знаю, – пожимала плечами Инна.

Варя понимала, что та загадочная история с изменой, которая послужила причиной расставания для самой Соломатиной, была чем-то мучительным и теперь неочевидным. Но еще Варя знала, что к компромиссам Соломатина относится плохо. Слишком уж много их было в ее жизни. И одним из примеров такого компромисса могут служить ее отношения с Аней Кулько, некогда подругой, теперь же человеком, которого Соломатина вычеркнула из своих списков навсегда.

Вот так и получилось, что, решив свои карьерные задачи, Инна мучилась сомнениями, а правильно ли она поступила, когда выгнала мужа. Выгнала решительно, не объяснив причин своего решения, не поговорив с ним. И еще она понимала, что этот вопрос станет вопросом всей ее жизни – не

бывает так, чтобы можно было уйти от неразрешенного. И не важно, касается это только тебя, другого человека или вас обоих.

Теперь, когда Инна сменила форму стюардессы на белый медицинский халат, ее рабочий день начинался рано. Ехать ей было далеко, но дорога была привычной и пролетала в мыслях о сыне и предстоящем дне. В своем кабинете, а Инна вернулась туда же, где работала до ухода в авиацию, она теперь сидела одна. На курсы переподготовки пилотов Соломатина вернулась с повышением – она была уже кандидатом наук, опытным врачом, к тому же еще пилотом-любителем. Последнее на медицинскую карьеру не влияло, но добавляло пиетета в заведении, где каждый второй имел отношение к авиации.

Тут же она встретила своего давнего знакомого Сергея Петровича Колесника, того самого, который когда-то затащил ее на аэродром и буквально впихнул в маленький любительский самолетик. Сергей Петрович знал, что Соломатиной летать понравится, только ее надо «сдвинуть» с мертвой точки. Он и сделал все так, что вскоре Инна Соломатина летала с инструктором, а потом, пройдя все необходимые комиссии, получила удостоверение пилота-любителя с правом управления легкомоторными самолетами нескольких типов. Став пилотом, Соломатина страшно загордилась, но Колеснику с признательностью сказала:

– Спасибо тебе, Сергей Петрович! Без тебя этого бы не случилось!

Колесник довольно улыбнулся, но про себя подумал, что Соломатина и сама по себе человек с амбициями и не боится ничего нового. А еще она очень выносливая, дисциплинированная и храбрая. А с таким набором качеств человек не только взлететь может, человек горы свернет!

Родители Инны, которые опекали внука, отнеслись к переменам хорошо.

– Вот будет все как у людей. Степан в садике, ты на работе, вечера вдвоем будете проводить, – говорила бабушка, мать Инны. Но тут же добавляла: – Хотя на неделе он запросто с нами может побыть.

Соломатина в этом вопросе была непреклонна – она и так переживала, что некоторое время, пока работала стюардессой, Степка проводил у бабушки с дедушкой.

– Нет, мама, у людей как у людей. После работы я его буду забирать сама из садика, и вечера мы будем проводить вместе, – отрезала Инна.

Мать вздыхала и осторожно заговаривала об Олеге:

– Отца бы хорошо ребенку вернуть. Вот это тоже будет «как у людей».

– Ну, это вопрос спорный, – иронизировала Инна. В ее окружении как раз неполных семей было большинство.

Так или иначе, но жизнь приняла несколько другую фор-

му, и на какое-то время новизна распорядка отвлекла всех от сомнений и тяжелых размышлений.

Степану нравилось быть в детском саду, нравилось, что маму он теперь видит каждый день. Ему были приятны ее рассказы о новой работе – теперь она уже не рассказывала о новых странах и городах, она говорила, как тяжело быть пилотом, как важно уметь дружить и что ссоры тоже иногда нужны. Но только обязательно с примирением. Степан попытался новые знания применить в саду, но заработал замечание от воспитательницы, к тому же на него пожаловались маме. Дома мама с улыбкой объяснила Степану, что ссора – это такая игра. Для выявления конфликта, для того, чтобы понять, что же может не устраивать людей друг в друге.

– Понимаешь, как только люди вслух назовут обиды, так сразу можно будет исправить их отношения. Ну, например, твоему другу Антону не нравится, что ты забираешь все машинки себе. Из-за этого у вас ссоры. А вот он тебе скажет об этом, и ты часть машинок отдашь ему. И вы уже опять друзья.

Степан долго молчал после этого объяснения, а потом спросил:

– А вы с папой тоже когда-нибудь назовете друг другу обиды?

Инна хмыкнула и подумала, что для пятилетнего ребенка Степан задает уж больно сложные вопросы. Вслух же она ответила:

– Да, обязательно. Когда-нибудь.

– Это будет здорово. А то надоело к бабушке ездить и там слушать, как она вздыхает.

Соломатина охнула про себя – Олег по-прежнему часто виделся с сыном и по-прежнему забирал его из дома бабушки. И пока взрослые играют в свои игры, ребенок все видит, понимает, только вслух не говорит. Остается понять, почему? Может, боится всех обидеть?

Да, Степану новая жизнь с мамой и ежедневным садиком нравилась – мама не обращала внимания на его насморк, мороз на улице или потерянную рукавицу. В садик они шли при любых условиях, кроме высокой температуры. Но, к счастью, Степка рос крепким мальчиком. Степке нравилось, что мама завтракала с ним и не заставляла есть в саду. Еще мама с утра была веселая – что-то напевала, суетилась около зеркала. Степан в это время играл в своей комнате, терпеливо, по-мужски дожидаясь, пока мама будет довольна своим видом. Однажды он сказал:

– Мама, ты же на работе все равно в белом халате. Твое красивое платье будет не видно.

Соломатина расхохоталась – сын повторял слова бабушки. Но, поняв, что опаздывать в сад сын не хочет, стала вставать на полчаса раньше. Между ними сложились прекрасные отношения, теперь больше похожие на дружеские – Инна старалась разговаривать с сыном серьезно, без скидки на возраст, не позволяла себе кричать, по возможности совето-

валась с ним и никогда не обманывала. Поэтому, когда Степан спросил, хочет ли она увидеть папу, Инна честно сказала:

– Хочу, но нам надо договориться… О встрече…

Степан пожал плечами:

– Давай я с папой договорюсь. Я могу…

Соломатина посмотрела на сына и поняла, что как бы она ни пряталась, а объясняться с Олегом придется. И придется наводить в своей жизни порядок. Только вот шло время, и мысль о том, что сейчас думает о случившемся Олег, тревожила Соломатину. Она понимала, что их история относилась к тем, на которую время не работает, а, наоборот, становится врагом. И так было всегда – и тогда, когда они ждали встречи, и сейчас, когда между ними случилась эта ссора.

Будни немного отвлекали. Инна, не халтуря, старалась помочь людям. Она, имея опыт работы в летном отряде, уже знала «болевые точки», а потому ее советы были действенны.

Сергей Петрович Колесник, ее коллега, тот самый, который уговорил ее получить летные права, наверное, больше всех обрадовался ее возвращению.

– Стюардесса – это хорошо, но ты можешь заниматься и более серьезными делами.

– А стюардесса – это несерьезно, – сердилась Инна.

– Серьезно. Но это… как бы это сказать… Понимаешь, у нас же точка отсчета не такая, как у всех остальных. Вот для

обычного человека стюардесса – это ах, романтика и опасность. Не умаляю этого… Но ты – крутая! Инна, у тебя потенциал…

Соломатина щурилась от удовольствия – Колесник говорил то, что ей очень хотелось сейчас слышать. Приятно было и то, что мужчина, опытный пилот, видит в ней что-то, что ей самой пока неведомо. Соломатина помнила это чувство – неуверенностью это не назовешь. Это скорее растерянность. Так в жизни бывает – и вроде успехи, и движение вперед, но что-то гложет, не дает себя похвалить. Впрочем, сразу после возвращения Инна заметила и другое – Сергей Петрович Колесник стал за ней ухаживать. И теперь это он делал открыто, не таясь и не стесняясь посторонних. Инна поделилась с подругой Варей:

– Понимаешь, он – хороший. Но почему вдруг сейчас? И как мне себя вести с ним? И надо ли мне это?

Варя Мезенцева рассмеялась:

– Если ты задаешь вопрос «Надо ли мне это?», значит, точно не надо! Но Сергей Петрович – человек хороший.

Мезенцева несколько раз видела Колесника и составила о нем довольно точное мнение. «Он немного прямодушный, слегка грубоватый, честный и очень внимательный. Неплохие качества для мужчины», – поделилась она с Инной. «А еще он – пилот. А это совершенно особая каста!» – добавила она. Соломатина тогда только улыбнулась, а сейчас, вспомнив слова подруги, решала для себя, как далеко можно зайти,

отвечая благосклонностью на внимание Сергея Петровича.

Людей приводят друг к другу проблемы, горести и потери. Так уж устроена жизнь. Счастливые люди не ищут, они все уже нашли. Несчастливые люди более внимательны. Они пытаются заполнить ту брешь, которую создали обстоятельства.

Сергей Петрович Колесник, бывший пилот, человек нестарый, подтянутый и очень энергичный, был холостяком. Когда-то давно он был женат, но семейная жизнь не сложилась по банальным причинам. Супругу, крепкую выносливую блондинку, раздражало неумение Сергея Петровича вписаться в гражданскую жизнь. Сама она, перепробовав несколько занятий, остановила свой выбор на финансовой сфере. Она пошла на курсы бухгалтеров, потом поступила служить в банк, и очень скоро в семье пошли скандалы. Скандалы возникали ниоткуда. Слово, жест, намек – всего этого хватало, чтобы стороны через мгновение разразились обидными упреками и обвинениями. Скандалы сами по себе вещь неприятная, а супруга Сергея Петровича умела ввернуть обидное словечко, да так это сделать, что спокойный Колесник терял голову от гнева. Наступил момент, когда он сказал:

– Давай разведемся. Иначе поубиваем друг друга.

Да, именно он, чувствуя свою вину, первым предложил разъехаться. Жена на удивление легко и бодро согласилась.

Казалось, она только и ждала этого момента. Вопрос о квартире был решен путем недолгих разговоров – жена понимала, что на улице мужа оставить нельзя.

– Размениваем на однокомнатную и двухкомнатную. Тебе двухкомнатная.

– Что это вдруг? – удивился Колесник. Он был даже потрясен щедростью, а главное, отсутствием изнуряющих споров. – Может, тебе двухкомнатную? Ты подумай. Почему мне?

– Так надо, – махнула рукой жена. Она давно «начертила» схему сложных обменов-разменов. Деньги у нее были, а однокомнатная квартира была необходимым довеском. К тому же на горизонте маячили свадебные события – роман, которой давно завязался у жены Сергея Петровича, входил в завершающую стадию. И вид разгневанного или сутяжничающего мужа был совершенно ни к месту. Но самое главное, жене Сергея Петровича хотелось начать совсем новую жизнь, и чтобы совесть не мучила.

– Ты подумай еще раз, – на всякий случай сказал Колесник, когда подписывал нужные бумаги.

– Подумала уже, подумала, – отрезала супруга.

С момента, когда он въехал в хорошую двухкомнатную квартиру в районе Речного вокзала, они с женой и не виделись. И надо же, удивительное дело, вместе с разводом, разменом и новосельем в жизни Сергея Петровича наступила новая, светлая, полоса. Недаром говорят, что перемены как

ветер – бьют по лицу, но приносят спасительный дождь. Вот так и с Колесником случилось. Может быть, он сам стал смелее, перестал бояться возможных насмешек или осуждения. Или ответственность сузилась до своей собственной жизни, но неожиданно Сергей Петрович нашел работу с неплохим заработком, а потом, когда появилась уверенность в собственных силах, он стал разыскивать бывших сослуживцев и, почерпнув нужную информацию, пришел наниматься на курсы переподготовки летного состава.

Его взяли сразу, без разговоров. И там он встретил Инну Соломатину, которая пришла туда врачом-психологом.

Эта женщина с приятным спокойным лицом и уверенными манерами сразу приглянулась ему. К тому же в Инне было что-то, что заставляло приглядываться, присматриваться. Если бы Колесник был романтической натурой, он определил бы это как тайна. Но Сергей Петрович ограничился тем, что взял ее под свое шефство и, боясь спугнуть, беседовал с ней на околопрофессиональные темы. Ключевым стал полет на аэродроме.

– Вы должны летать! Вам понравится. Это другой мир, и он вам нужен! – убеждал ее Сергей Петрович, а Соломатина, не очень понимая, что имеет в виду Колесник, действительно прочувствовала эту свободу стихии.

Тогда их отношения так и закончились – дружбой. Но сейчас, когда Соломатина появилась, Сергей Петрович посмотрел на нее и про себя решил: «Все! Или сейчас, или нико-

гда!» Он даже не испугался этого своего внутреннего монолога, он точно знал, что больше не выпустит Инну из поля зрения и никакие обстоятельства – ее сын, распадающийся брак (сплетни распространялись быстро) – не помешают ему добиваться своего.

В жизни Инны Соломатиной наступил относительный покой. Смена места работы, заботы о сыне поглощали все ее внимание, и мысли о муже превратились во что-то постоянное, но уже не так отвлекали. «Наверное, так живут люди с хромотой – неудобство и недостаток превратились в норму», – подумала как-то Инна и тут же спохватилась. Ее муж Олег Федотов был таким хромым – недостаток видели все, а он его не замечал. Или привык не замечать. Удивительно, но даже общие размышления приводили к ее частному случаю. Внимание Сергея Петровича было приятно Инне, но и раньше он был любезен с ней и по-дружески оказывал мелкие услуги. То, что Колесник настроен решительно и серьезно и их взаимоотношения могут перейти на другой уровень, она поняла после одного случая. В тот день что-то произошло с электричеством, а следовательно, и с тренажерами. Отработка действий экипажа в условиях аварийной посадки была отменена. Слушателей распустили по домам, персонал маялся на своих местах.

– Погода хорошая, – сказал Колесник, глядя в окно. Там шумел пожелтевший лес, сияло солнце, и воздух был почти

летний.

– Да уж, – буркнула Соломатина. Она не любила, когда ломался график.

– Инночка, а не сбежать ли нам отсюда? Начальство уже уехало. Не думаю, что подстанцию отремонтируют в ближайшие три часа. А там уже и вечер.

– Я хотела документы посмотреть… – Инна кивнула на монитор.

– Так электричества же нет. И не будет, – рассмеялся Колесник, – давайте собирайтесь, поедем к нашим друзьям.

– Куда? – Инна вскинула голову.

– На аэродром. Туда, где вы учились летать. Давайте, давайте… – заторопил ее Сергей Петрович.

Соломатина задумалась: «Еще нет и двенадцати, работы сегодня не будет, начальства нет. Можно Степку забрать раньше из сада, погулять с ним. Он обрадуется». Она уже было решила отказаться, но тут вспомнила, что сегодня среда, а следовательно, сегодня рисование и лепка. Сын любил эти занятия, на которые водил его исключительно дед. Оба обожали эти походы – у них были свои ритуалы, которые они свято соблюдали. По дороге следовал очередной рассказ из «многосерийной» истории про собак Гошу и Дибура. Собаки были реальными – когда-то в юности у деда они жили, а вот истории сплошь были вымыслами. После занятий, когда Степан выходил по уши вымазанный в глине и красках, они отправлялись пить чай с сочниками. Они выбирали не

короткую дорогу, а огибали двор близлежащей школы, шли переулком и выходили на бульвар. Там и располагалось это кафе. Дед пил кофе с молоком и иногда разрешал Степану сделать глоток. Степан пил чай из большой белой чашки и ел сочники. Дед пользовался моментом и учил внука хорошим манерам – не класть локти на стол, не причмокивать, не греметь стулом. В кафе всегда были люди, и Степану нравилось их разглядывать и задавать деду вопросы. Вопросы были самыми неожиданными. Однажды, разглядывая исподлобья какую-то парочку, он поинтересовался у деда:

– Ты с бабушкой тоже целовался?

Дед поперхнулся:

– Ну, конечно… да, наверное…

– Целовался, – утвердительно заметил Степан, – иначе бы мама не родилась.

Дед предпочел завести разговор о собаках.

Соломатина понимала, что лишать такого удовольствия обоих нельзя. Впрочем, в глубине души она укоряла себя – ей казалось, что это просто отговорка, что перспектива устроить себе маленький выходной, встретиться со старыми знакомыми гораздо приятнее, чем мчаться сейчас в сад и неизбежно заниматься домашними делами. Помаявшись, она позвонила родителям. Трубку взяла мать.

– Мам, у нас тут проблемы с электричеством, работы нет, как думаешь, если я сейчас Степана из садика возьму?

– Нет, у него сегодня рисование. И дед уже собрался по-

чти. Ни в коем случае. У ребенка должен быть режим и понимание важности занятий.

– Хорошо, мама, – послушно ответила Инна, – тогда я заберу его вечером.

– Договорились, – ответила мать.

Получив индульгенцию, Соломатина весело посмотрела на Колесника:

– Ну, Сергей Петрович, будем считать, у меня выходной.

Тот засуетился:

– Так, я к машине, а вы собирайтесь, закрывайте кабинет, и поехали. У нас с вами целый день впереди. Прекрасный теплый день!

Соломатина улыбнулась. Ей вдруг стало хорошо от того, что кто-то обрадовался её компании, что кто-то старается понравиться и сделать ей приятное. Она тут же в мыслях одернула себя – больше, чем заботится о них Олег, никто не может позаботиться. «Но это же совсем другое», – Соломатина отогнала все мысли. Ей хотелось настоящего выходного – без сожалений, грустных мыслей и ставшего уже привычным чувства вины. Тем более вокруг был не город, который не отпускает, а, как правило, держит в тонусе, подгоняет, понукает. Вокруг были леса, много неба и голоса птиц. И река, на которую Инна никогда не обращала внимания, темнела в высоких берегах. День и впрямь подходил для отдыха на природе. Осень была в самом разгаре, почти не было ветра, и на солнце было почти жарко. Вдоль шоссе темнел еловый

лес, и только редкие прогалины желтели полями.

– Смотрите, осень, а все цветет! – сказала Инна Колеснику.

– Так это же рапс, его сажают и косят, сажают и косят. На корм. Вот сейчас скосят, и будут коричневая земля полей.

– Странно, мы тоже работаем за городом, но я никогда не обращала внимания на то, что нас окружает, – вздохнула Соломатина.

– А зря, за нашим взлетным полем речка с крутыми берегами и еще роща с березами и грибами.

– Откуда знаете? – рассмеялась Инна.

Колесник ответил не сразу. Он покашлял, а потом попросил:

– Можно на «ты»? Вроде когда-то уже переходили, но вот сейчас опять так официально…

– Конечно, – с радостью согласилась Инна.

– Так вот, я на речку эту часто ходил и грибы там неподалеку собирал. Отличное место. Почти тихое. Только наши самолетики взлетают.

– У нас здорово. И, если честно, я скучала. Хоть и посмотрела я мир стюардессой, но все же здесь мое место.

– Никто не знает, где его место, человек даже не подозревает, на что он способен. У меня же были сложные времена, и я сейчас понимаю, что я про себя ничего толком не знал. Нужен толчок – событие какое-то. Или нужен человек, который поможет поверить в себя.

– Между прочим, летать я стала исключительно благодаря тебе, Сергей. Не ты – я бы не решилась. Мне бы даже в голову не пришло, что я смогу этим заниматься.

– Это хорошо. Ты годишься для полетов. Характер у тебя правильный, – серьезно ответил Колесник.

– Ну вот откуда ты это взял? Откуда ты знаешь, что я гожусь и что это – мое?!

– Я много летал, видел людей в небе. Видел, как они себя ведут. Потом, я работал здесь – профпригодность штука сложная, но и она определяется на глаз. Во всяком случае, иногда.

– Спасибо тебе, – улыбнулась Соломатина.

Колесник не ответил. Он вел машину не быстро, так, чтобы можно было получить удовольствие от езды. И Соломатина получала его. Ей заботливо дали плед, достали воду, поинтересовались, не холодно ли в машине, не мешает ли музыка. Соломатина горячо заверила его, что все отлично. А разглядывая окрестности, она вдруг поняла, что действительно все отлично. И еще приятно, что рядом сильный мужчина, который верит в нее, который поддержит ее. В этом сейчас у нее не было сомнений. И на этой осенней дороге ее отпустило – она перестала терзаться воспоминаниями и сомнениями. Вдруг почувствовала себя женщиной, за которой ухаживает мужчина. И от этой мысли ей стало легко.

В авиаклубе их встретили с радостью – так встречают друзей. Пусть даже давно не появлявшихся. Соломатину забро-

сали вопросами о работе. Она отвечала подробно, понимая, что интерес искренний.

– Ну, а сегодня? Сегодня полетишь? – спросил кто-то.

Соломатина прищурилась, глядя на солнце, – небо было чистым.

– А пожалуй! – рассмеялась она. – Выдавай наушники!

– Пассажира возьмете? – Колесник серьезно посмотрел на Инну.

– Пассажира? – Соломатина смутилась. – А не боишься со мной лететь?

– Ни капельки. – Колесник был так же серьезен.

Видимо, какая-то особенная интонация была в этом диалоге, что все окружающие вдруг занялись своими делами, оставив этих двоих.

Самолетик был знакомым – Инна училась летать на нем и потом, уже после получения прав, отрабатывала взлет и посадку в плохих метеоусловиях. Соломатина надела наушники, прокричала «От винта» – главные слова до того, как завести мотор, вырулила на взлетную полосу и попросила разрешения на взлет. Густой бас диспетчера прогрохотал: «Двадцать четвертый – разрешаю!» – и добавил: «Хорошего неба, Инночка!» Соломатина растрогалась – так приятно было это отношение людей, которые считали ее ровней. Она вспомнила то самое первое ощущение от высоты, неба и собственной решимости.

Самолетик оторвался легко, Инна набрала высоту и сде-

лала круг над полем, потом выровняла самолет и взяла курс на Верею.

– Старым маршрутом? – спросил ее Колесник.

– Да, хочу вспомнить, как все начиналось, и потом, там очень красиво!

Да, это были красивые места – маленький город с центром в правильной окружности, квадраты земельных наделов, прямоугольники крыш, извив реки и хвойный лес своеобразной челкой по высокому берегу. Инна поглядывала вниз и смеялась над собой – она готова была придумывать нелепые сравнения, но отсюда, сверху, привычное и банальное выглядело именно так – неожиданно.

Какое-то время они летели молча, а потом Инна сказала:

– Сережа, я все хотела тебе сказать спасибо. Не так, на бегу, на лету, а спокойно, обдуманно, что ли. Понимаешь, если бы не ты – моя жизнь была бы иной. Нет, не скучной. Но другой. Не было бы во мне уверенности такой, не было бы убежденности, что я все могу. Ты тогда первый заставил меня иначе посмотреть на мою жизнь.

– Мне очень приятно это слышать, но я почти ни при чем. Ты очень сильный человек. И ты умная. И в тебе столько всего заложено. Я уже это не раз тебе говорил.

– Говорил, но мне так странно это слышать. Понимаешь, я всегда чувствовала, что не догоняю, не справляюсь, ошибаюсь… Понимаешь, я всегда себе казалась неудачницей. То меня с работы увольняли, то я была жертвой интриг, то лич-

ная жизнь была ни к черту…

Инне было легко сейчас говорить – ей казалось, что она ни скажи, останется все здесь, наверху, на земле об этом не вспомнится. Колесник слушал внимательно, только в какой-то момент указал на наушники. Соломатина охнула, их мог слышать диспетчер.

– Ты все понял, – рассмеялась она.

– Я все понял, – кивнул Колесник.

Они еще пролетели до Московского водохранилища, сделали круг над Бородино и повернули назад. Самолет Инна посадила ладно, без малейших заминок. Словно и не было этого перерыва.

– Здорово! – кивнул головой Сергей Петрович. – Просто очень здорово!

Соломатина улыбнулась:

– Да, очень хорошо. Я, пожалуй, буду ездить сюда иногда и Степку возьму. Он даже не знает, что его мама умеет управлять самолетом.

– Да ты что?! Ты ему не сказала?!

– Нет, все не было повода. Он знает, что врач и стюардесса. Вот такое странное сочетание.

– Его обязательно надо сюда взять! И я ему расскажу, какая у него замечательная мама, – Колесник посмотрел ей в глаза, – ты – очень хорошая. И я хочу, чтобы ты была счастлива.

Они стояли у кромки взлетной полосы, никого не было

рядом, и Соломатина вдруг подумала, что Колесник поцелует ее.

– Сережа, послушай… – начала она.

– Нет, ты послушай, я и так время упустил. Мне надо было раньше быть решительным. Но и сейчас еще не поздно. Ты меня понимаешь?

– Я – понимаю. Но у меня так сейчас запутана жизнь… Я даже не знаю, чем все кончится…

– А жизнь вообще не бывает простой. Поверь мне.

– Сережа, сегодня очень хороший день. И опять спасибо тебе за это. Давай пока ничего не будем обсуждать. Не будем ничего говорить и обещать. Я даже планировать боюсь. Давай просто…

– Давай просто жить, – закончил фразу Колесник, – я согласен, поэтому в ближайшие выходные мы приедем сюда. Но сына пока не надо брать. Он попросится полетать, а ему рановато.

– Я тоже так думаю. Но он же может посмотреть, как я летаю?

– Хвастунишка, – рассмеялся Колесник, – делай как знаешь.

Они пообедали на аэродроме, Колесник что-то обсуждал со знакомыми летчиками, которые подъехали позже, Инна устроилась на широком диване и наблюдала. Она сегодня разглядела человека, с которым проработала достаточно долго. Он был симпатичен, она ему нравилась. Соломатина

подумала, что ей везло с мужчинами, но что-то не везло с отношениями. Инна опять вспомнила Олега. «Господи, да что это я?! Жизнь так и уйдет, я не успею пожить! Я буду жить, решать, сомневаться… Я же не виновата, что Федотов связался с Анечкой Кулько!» Она поискала взглядом Сергея и окликнула его:

– Поздно будет, поехали!

Он посмотрел на нее и вдруг все понял – понял, что она что-то решила для себя. Еще он понял, что не надо спешить, не надо настаивать, надо дать ей время. И еще он подумал, что сделал все правильно – он вовремя ей все сказал.

– Устала? – спросил он, и в голосе было родное тепло. И Соломатина с готовностью откликнулась на эту интонацию:

– Ужасно.

В тот вечер он на прощанье поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась.

Через три месяца, когда Инна заехала к родителям в гости, мать на нее внимательно посмотрела и спросила:

– А как же Олег? Он все же отец ребенка.

Соломатина какой раз подивилась проницательности родителей. «Это, наверное, обостряется с течением времени. Чем дети старше, тем проще нам заметить в них перемены», – подумала она.

– Мама, а при чем тут Олег? У него своя жизнь теперь, у меня – своя.

Да, теперь у Инны была своя жизнь. В тот случайный выходной они с Сергеем Петровичем разрешили друг другу забыть о прошлом.

«Забыть прошлое» – фраза банальная, но она как нельзя лучше характеризует состояние, в котором находится человек на пороге новых отношений. Именно «забыть», отодвинуть в дальний угол все то, что не позволяет рассмотреть и прочувствовать настоящее. Инна находилась в плену прошлого всегда. Она не относилась к тем, кто легко прощается с людьми, собственными чувствами и переживаниями. Она рефлексировала и из-за пустяков, и по серьезным причинам. Все это делало ее жизнь эмоционально богатой и беспокойной. Не было события, о котором Соломатина бы не думала с легким сожалением или досадой. Почти все в жизни ей хотелось задним числом подправить. Неприкрытое внимание Колесника придало Инне решимости. К тому же одиночество – само по себе испытание. Одиночество и обида – испытание вдвойне. В тот вечер, вернувшись домой, Соломатина вполуха слушала сына. Она прокручивала в голове события прошедшего дня и приходила к выводу, что вот сегодня она была почти счастлива. Сначала она устыдилась этого чувства – надо было закончить одну историю, а потом уже… Но, наверное, что-то поменялось в ней… Или она просто устала быть виноватой и неотступно думать о сделанной ошибке. «Так, надо забыть, надо оставить прошлое и быть внимательной к тому, что есть сейчас!» – сказала она сама себе. И уже

поздно вечером сама позвонила Сергею Петровичу. Ей была важна его интонация. К тому же боязнь, что у того есть какие-то отношения, заставляла ее осторожничать. Несмотря на поздний вечер, Колесник не спал и ужасно обрадовался ее звонку:

– Привет, а я сам хотел позвонить, но думал, что это неудобно…

– Удобно, – ответила Инна, – удобно. Ты звони. Обязательно.

– Хорошо, я обязательно буду звонить, – клятвенно заверил ее Колесник, и они еще проговорили часа полтора. Это была одна из тех осторожно-приятных бесед, которые тоже бывают в начале отношений. Каждый выяснял вкусы и предпочтения. Оценки были деликатными, выводы расплывчатыми и оставляли пространство для маневра. Одним словом, все условности были соблюдены.

– В выходные поедем на аэродром! – сказал на прощание Колесник. – Обязательно бери сына. Ну, мы еще все обсудим. На работе.

Последняя фраза была многозначительной.

– Да, обсудим, – сказала Инна и попрощалась. Она еще некоторое время сидела в кресле и наблюдала за спящим Степкой. На душе было легко.

Степку она на аэродром, конечно, не взяла. Для Колесника она придумала уважительную отговорку, но для себя решила, что сына никогда не будет знакомить ни с кем, кто

бы вызвал у него вопросы. «Есть отец. Он отца любит. Нечего голову морочить ребенку, он и так замечает все, что не нужно!» – подумала Соломатина, вспомнив, что Степка удивился ее отсутствию в воскресенье и новым обтягивающим джинсам.

– Мама, ты как наша Оксана Ивановна. Она такая классная, – сказал сын. Оксане Ивановне было двадцать два года, и она была воспитательницей в группе сына.

Мать, ухватившая перемены в дочери, как-то поинтересовалась:

– Он хоть разведен? Или холост? Не хватало семейных скандалов еще!

– Мама, я разберусь, – спокойно сказала Инна, но внутри все клокотало. Почему до сих пор родители пытаются контролировать ее поступки? Соломатина вдруг припомнила, что еще несколько лет назад она даже и представить не могла, что кто-то задаст ей подобный вопрос. После расставания с Олегом на Инну обрушилась не только критика. Теперь ее пытались контролировать. Соломатина, как человек, знакомый с психологией, понимала, откуда это идет и почему теперь так происходит. После их расставания с Федотовым родители занимались внуком. Особенно в период, когда Инна еще была стюардессой. Это была неоценимая помощь, Инна была им благодарна. Но помощь иногда предполагает зависимость. Так случилось и на этот раз. Фраза о Колеснике Соломатиной не понравилась, и через некоторое время она

решила поговорить с родителями.

– Мама, как ты понимаешь, я человек взрослый, самостоятельный. Во всем, что происходит в моей жизни, я буду разбираться сама. И очень прошу больше не задавать мне вопросов о моих отношениях с кем бы то ни было. Мне не нужен комплекс вины. Я вполне успешный человек, который в состоянии отвечать за свои поступки.

– Но у тебя сын… – проговорила мать.

– Ты правильно заметила – это у меня сын, – улыбнулась Инна, – и мой сын не дает права вам меня контролировать.

Мать молчала, поджав губы, отец в другой комнате сделал тише телевизор. Он прислушивался к разговору на кухне.

– Мам, я очень благодарна вам за помощь. Но я хочу вам объяснить, что они никак не связаны – ваша помощь и моя жизнь. Помощь человеку никак не связана с правами на этого человека. Поверь мне как психологу.

На кухне появился отец:

– Мы волнуемся. Степан без отца.

– Неправда. У Степана отличный отец. Которого он видит почти каждую неделю.

– Отца надо видеть каждый день.

– Так не бывает. Нормальные отцы работают.

– Ты что, выходишь замуж? – спросила мать. Лицо ее было мрачным.

Соломатина поперхнулась. Она даже и представления не имела, что родители такое себе насочиняли. «Значит, если

я стала красить глаза, купила себе три новых платья и стала ходить на высоких каблуках, я – выхожу замуж?!» – Соломатина чуть не расхохоталась. Они с Колесником целовались всего три раза, а родители ее выдали замуж.

– Мама, папа, вы узнаете первыми, если я надумаю выйти замуж… – сказала она примирительным тоном, но тут ее перебил отец:

– Знаешь, а ты нам тут не устраивай разборки. Мы помним все твои истории – то без работы сидела, то с этим Антоном связалась, никчемный поэтишка-алкоголик, то самолеты эти… Ну вот скажи, кому нужна была эта самая лицензия? Какой из тебя пилот? В твоем возрасте? Только здоровья нам попортила, ночами не спали и как на иголках сидели, пока ты перед мужиками выпендривалась… У тебя сын. И главнее этого нет ничего! Ты сейчас должна быть с ним! А не бегать… Не удержала мужа, сама виновата. А коль виновата – старайся, веди себя по-человечески. Объясняй, рассказывай, чтобы мы знали и не волновались…

Соломатина во все глаза смотрела на родителей. Она, которая учит пациенток избавляться от давления и зависимости семьи. Она, которая вдалбливает женщинам, что они не должны ничего и никому, кроме себя, ибо безграничные обязательства рождают огромные неврозы, она сейчас слушает о том, где ее место.

Соломатина посмотрела на мать, ожидая с ее стороны хотя бы формального протеста. Но мать молчала. И было по-

нятно, что отца она поддерживает. Инна вдруг поняла, что здесь вся психологическая наука бессильна. Здесь бессильны новые идеи, здесь не сработают доводы, и все ее, Соломатиной, успехи, по сути, ничтожны по сравнению с теперешним статусом – статусом матери-одиночки. А этот статус подразумевает покорность и зависимость от близких людей.

– Значит, так, – Соломатина попыталась взять себя в руки, чтобы не расплакаться от обиды, – по-вашему не будет. Я буду заботиться о вас и о сыне, но за свои поступки и за свою жизнь я буду отвечать только перед собой. И, надеюсь, никаких вопросов вы мне задавать больше не будете. Мне очень жаль, что все мои достижения вы цените так низко. Летать я училась, потому что нравилось это дело. И я горжусь, что я, женщина, освоила такую профессию. А что касается мужиков, папа, я давно совершеннолетняя, и у меня нет необходимости интересоваться твоим мнением. И очень жаль, что мы не можем обсуждать такие вопросы в другой тональности.

– А ты условия тут нам не ставь! – запальчиво проговорил отец. – Не ставь нам условия. Мы тебя вырастили, твоего сына растим. А может, у нас другие планы. А может, мы хотим поспать днем, вечером телевизор посмотреть, поехать куда-нибудь. А мы няньками работаем.

При этих словах мать дернулась, словно бы хотела остановить отца. Но тот не заметил этого движения и продолжил:

– Ты отлично устроилась – мол, жизнь моя, живу, как хо-

чу, но вы мне помогайте.

– Я думала, что не очень напрягаю вас. Я думала, что вы его любите и вам нравится возиться с ним. И я думала, что вы мне спокойно скажете, если вам будет тяжело. Очень жаль, что вы терпели так долго и теперь упрекаете.

– А кто говорит, что мы не любим Степу? – вступила в разговор мать. Она, видимо, испугалась, что отец перегнул палку. И еще она вспомнила, что характер у дочери сильный и независимый. И что, скорее всего, теперь отношения между ними опять станут такими, как были прежде – дочь будет заботиться о них, но дистанция между ними увеличится.

– Мама, я совершенно ничего не поняла. Кроме одного: договориться нам не удастся.

– Пока ты будешь так себя вести – не удастся, – подтвердил отец и вышел из кухни.

Соломатина прошла в прихожую, быстро оделась и выскочила из квартиры родителей. Ее душили слезы, сдержать она их не могла. Инна чувствовала себя совершенно несчастной – она вдруг получила удар оттуда, откуда не ждала. И что самое главное, ее бронь, ее защита, которую она так тщательно выстраивала, не выдержала, и в ней образовалась брешь. Инна совершенно не понимала, что теперь надо сделать, чтобы помириться с родителями. С одной стороны, ее обвинили в том, что она эгоистична, легкомысленна и тратит свою жизнь на ерунду, в то время как старые родители за нее выполня-

ют ее обязанности по воспитанию ребенка. С другой стороны, эта была полуправда – Инна сама обеспечивала семью, она работала, содержала свой дом, не тратя деньги, которые отправлял ей Федотов. Она занималась сыном. Да, родители забирали Степана из сада, водили на некоторые занятия, и иногда он оставался ночевать у них. Это была существенная помощь Соломатиной и облегчение ребенку – времени на дорогу уходило меньше, и сил, соответственно, ребенок тратил меньше. Теперь это все было невозможно. Инна не относилась к непоследовательным женщинам. И результатом сегодняшней ссоры с родителями может быть только одно – отныне Степан проводит все семь дней в неделю у себя дома. И Инна должна так перекроить свое и его расписание, чтобы это не отразилось на занятиях и чтобы они оба не свалились от усталости.

Домой она добрела уже без сил. Забрав Степана из сада, покормив его ужином, почитав книжку и уложив спать, она позвонила Варе Мезенцевой.

– Да что тут непонятного? – сказала Варя выслушав историю. – Тебя хотят заставить жить так, как они считают нужным. Понимаешь, для поколения наших родителей личная жизнь – это что-то вроде неприлично-недостойно-излишне. Особенно когда есть ребенок. Вот они видят, что у тебя отношения с Колесником. Им это не нравится – и об отце Степана ты уже не думаешь, и легкомысленно-веселой вдруг стала, глаза красишь. Непорядок.

– А разве родителям не важно счастье детей? – Инна специально задала провокационный вопрос.

– Важно. Очень. Только в их картине мира нет твоей формулы. Есть – их. Они не совпадают. Вот если бы ты с Олегом опять стала встречаться – тогда другое дело. А ты с каким-то Сергеем Петровичем. Непонятно, откуда взялся, почему-то одинокий. А потому – подозрительный. Да и к сыну как будет относиться? А потом, вдруг ты Степана забросишь! Забудешь о своих материнских обязанностях в пользу сомнительного знакомства. Понимаешь, формально они правы. Такое же тоже случается. И тогда ребенок остается на руках бабушки и дедушки. Они растят его, выводят в люди. Их понять тоже можно. Но я и тебя понимаю. Сергей Петрович человек приятный, ты не должна оставаться одна.

– Колесник – хороший, – вздохнула Инна.

– Знаю. Хороший он. Кстати, как у тебя с ним?

Соломатина вздохнула:

– Было хорошо. А теперь уже не знаю…

После разрыва с Федотовым Инна даже думать не могла о каких-либо других отношениях. Сергей Петрович появился на ее горизонте в момент, когда обида на мужа, ревность и угрызения совести превратились в однообразный тяжелый груз, тянущий ее назад. Человек бесконечно переживать не может. Острота притупляется, остается усталость от непродуктивных эмоций, и психика ищет выхода. И тогда вдруг мир, который как бы не существовал вокруг, обретает

очертания. История с Колесником была именно такой. Если для самого Сергея Петровича это был шанс совершить решительный шаг, для Соломатиной это был «глоток воздуха» и возможность объективно посмотреть на произошедшее. После погружения в собственные тягостные проблемы чье-то внимание подействовало ободряюще.

Колесник ухаживал тактично. Соломатина понимала, что нравится Сергею Петровичу, видела, что его намерения серьезны. Насколько могут быть серьезными намерения сорокапятилетнего разведенного мужчины. Инна не обманывалась – под венец Колесник может ее и не позвать, но то, что он хочет отношений прочных, это было заметно и по разговорам, и по поведению.

Внешне он ей нравился, манеры его она знала, и они были симпатичны. Еще она чувствовала некую ответственность и прочность этого человека. И, что было тоже важно, она была благодарна ему за помощь и поддержку. И эта благодарность ее не тяготила, не сковывала, не делала зависимой. Он так деликатно всегда опекал ее, что она этого даже не замечала. И только сейчас, уже войдя в эти отношения, она оценила его. Ко всему этому примешивалось чувство новизны – романтические отношения настолько казались чем-то невозможным, что первые знаки внимания со стороны Колесника и настораживали, и отпугивали, и смущали. Все это происходит тогда, когда человек сталкивается с чем-то новым. «Э, матушка, да ты забыла, что ты – женщина!» – сказала как-то

вечером себе Соломатина, внимательно посмотрев на себя в зеркало. В отражении были осунувшееся лицо и волосы, собранные в высокий хвост. «Бррр! Какая противная тетка!» – сказала сама себе Инна и показала отражению язык. Отражение ответило тем же. На следующий день Соломатина подрезала волосы, немного высветлила пряди, придала бровям иную форму и наведалась к знакомому косметологу. Та, шестидесятилетняя дама с застывшим лицом испуганной первоклассницы, спросила:

– Совсем хочешь возраст поменять? Или чуть-чуть?

Соломатина посмотрела на косметолога, на ее губки бантиком, которые плохо подчинялись хозяйке.

– Пожалуй, только чистку и массаж.

Губки-бантики совсем съежились.

После всех этих мер Соломатина опять посмотрела на себя в зеркало и теперь уже осталась довольна – затравленности в глазах и облике не стало. Колесник все эти метаморфозы оценил – его глаза стали круглыми, как у изумленного кота.

– Инночка! – только и вымолвил он. Соломатина довольно повела плечом. В душе она даже удивилась этой своей реакции.

После сурового разговора с родителями Соломатина села за стол и составила график. Она подробно расписала каждый день недели – занятия Степана в художественном кружке и

в футбольной секции, свои дежурства, покупку продуктов (Инна это всегда делала в один и тот же день), уборку, стирку и прочее. Она всегда была человеком достаточно упорядоченным, а потому ей не составило труда построить график своей теперешней жизни. Когда все было закончено, выяснилось, что и для личной жизни остается время. Это время попадало на среду – относительно свободный день, когда на работе не требовалось ее присутствия. В этот день не приходили слушатели, а сотрудники занимались документацией и организационными вопросами. Впрочем, неофициально этот день считался почти выходным. Соломатина в среду на работу приезжала обязательно и, отсидев два-три часа, уезжала. Теперь они проводили его вместе с Колесником. Сначала уезжала она, потом, выждав для приличия минут двадцать, выезжал он. Сергей Петрович «подбирал» ее на второй остановке по направлению к городу. Эта конспирация веселила обоих, а Соломатину еще и умиляла.

Именно в одну из таких сред Инна оказалась в доме Сергея Петровича.

В тот день они, как условлено, встретились на остановке, а когда Соломатина села в машину, Колесник сказал:

– Давай позавтракаем, я ничего не ел с утра.

– Давай, – согласилась Инна и предложила: – Давай нарушим все правила и налопаемся какой-нибудь гадости?!

– Фастфуд?! – рассмеялся Сергей Петрович.

– Он самый, – виновато посмотрела на него Инна.

– Как вам не стыдно!? Вы же врач! – притворно нахмурился Колесник.

– Не стыдно! – рассмеялась Соломатина.

Они наелись до отвала неполезной, но аппетитной пищи. Запив все это кофе, Соломатина откинулась на спинку стула, оглядела зал, набитый школьниками и студентами, и произнесла:

– Слушай, по-моему, не только мы сбежали с работы. Тут полно прогульщиков.

– Это хорошо, я чувствую себя моложе в такой компании, – ответил Колесник, – знаешь, меня никогда не тяготит возраст.

– А почему он должен тебя тяготить? – рассмеялась Инна. – Твой возраст – это не возраст. Ни по меркам прошлого, ни по меркам сегодняшних дней.

– Да, но все же иногда… – Колесник замялся.

– Что?

– Понимаешь, я все думаю, у нас с тобой разница в возрасте. Может, это для тебя что-то значит, но ты не говоришь, боишься меня обидеть.

– Я не замечаю этой разницы, – серьезно ответила Инна, – для меня ее не существует.

– Ты правду говоришь? – Колесник протянул руку через стол и сжал ее ладонь.

– Абсолютно, – улыбнулась Соломатина. Она на секунду подумала, не выглядит ли это смешно со стороны. Эти моло-

дые ребята и девушки остры на глаз и на язык. Соломатиной совсем не хотелось стать объектом ехидных улыбок. К тому же она понимала, что Колесника такая реакция незнакомых окружающих людей может сильно задеть. Но в кафе все шумели и занимались своими делами. Руку она не убрала.

– Инна, я понимаю, что у тебя своя жизнь, она хлопотная. Сын, родители… наверное, что-то еще есть… И все же… ты должна знать, ты для меня много значишь. Если бы я не боялся тебя спугнуть, я бы признался тебе в любви. Ты же мне тогда еще понравилась, когда впервые пришла к нам.

– Я догадывалась. Хотя думала, что это так, несерьезно совсем. Знаешь, служебный флирт. Он – как перчик в пресном блюде.

– Пресное блюдо – это обычная жизнь.

– Да нет, просто выражение.

– Инна, давай сегодня не пойдем в музей, в парк или в кино. Давай сегодня поедем ко мне в гости? – Сергей Петрович произнес это с таким выражением лица, с каким некоторые коты воруют сметану. Что-то вроде: «А что, ничего особенного…» Но в фигуре чувствуется напряженность и готовность отразить возможное нападение. Соломатина посмотрела на него сурово:

– Вот ты считаешь, что так запросто, после всего нескольких лет знакомства, можешь мне это предложить?!

Колесник окаменел, потом покраснел, потом выдавил:

– Ну, вообще, мне казалось… мы же…

Соломатина не выдержала и расхохоталась:

– Сережа, извини, но я просто не знала, как отреагировать. Понимаешь, я почувствовала себя такой старой на мгновение. И в этом виновато окружение. Они все, – Инна кивнула на группу ярких девушек, – такие бойкие. Имеют на это право. А мне иногда кажется, что…

– Тебе ерунда кажется, – сказал решительно Колесник, поднимаясь из-за стола, – поехали. Мы сегодня с тобой будет делать все вредное и неприличное.

– Например? – последовала за ним Инна.

– Ну, холестерина мы уже поели, теперь мы займемся любовью.

– Что же неприличного в занятиях любовью? – улыбнулась Соломатина.

– И то верно, – улыбнулся Сергей Петрович.

На улице он, не стесняясь, обнял Инну. Она положила голову ему на плечо, так они подошли к машине.

– Ехать будем долго – пробки сплошные, – взглянул в телефон Колесник.

Соломатина поняла, что сейчас он страшно смущен.

По правде говоря, она и сама ехала с большой опаской. В том, что они когда-нибудь станут близки, сомневаться не приходилось. Их роман развивался неторопливо, но с какой-то определенностью. Каждый из них словно принял решение не сворачивать с этой дороги.

Соломатина знала, что рано или поздно это случится, ино-

гда пыталась представить, как это будет. В ее воображении рисовались не очень аппетитные картины холостяцкого быта. Особенно отчетливо она представляла себе кухню со следами спешной уборки на мужской манер – грязное кухонное полотенце, заткнутое подальше с глаз, крошки и тонкие жирные ободки вокруг конфорок плиты. Откуда взялась эта картинка, Инна не знала, но, внутренне сжимаясь, готовилась к ней.

Каково было ее удивление, когда она обнаружила чистую квартиру и кухню, даже не без изящества украшенную клетчатой скатертью на круглом столе. На подоконнике были цветы, и даже разводов земли, этих свидетелей полива, не было рядом с горшками. В доме был приятный запах табака и чего-то мыльного. «Пена для бритья так пахнет! Такая в сине-серебристом баллоне», – вспомнила Соломатина. И от всего увиденного ей так стало хорошо. Тревога и волнение куда-то улетучились. Она обрадовалась, что не увидела ничего, что бы оттолкнуло, отвратило, от чего бы она брезгливо поморщилась. Ей стало спокойно от сознания, что Сергей Петрович в быту так же чистоплотен, как и в отношениях. Ей было приятно, что их первая близость пройдет в декорациях чистых и пристойных, где нет места сомнительным деталям. Все это Соломатина отметила наметанным женским глазом и повернулась к Колеснику. Тот понимал, что Инна принимает последнее решение и что все еще может пойти не так, как они планировали.

– У тебя хорошо, уютно, – тихо проговорила Соломатина и первая поцеловала Сергея Петровича. Дальнейшее походило на немое кино – звука не было, а движения были быстры и отрывисты.

За всем этим Соломатина даже не подумала, что пристальное внимание к месту встречи – вещь хорошая, но не свидетельствующая о любви. И она даже не подумала, что было бы, если бы она обнаружила в квартире Колесника непорядок. Ушла бы она? Осталась, но вскоре бы отношения прекратились? Как бы она ни воспринимала Колесника, Соломатину удовлетворило увиденное. Ее представления о нем, об их отношениях и условиях, в которых будет протекать роман, не изменились – все было в рамках нормы и приличия, не будило сильных эмоций и не заставляло переживать. Одним словом, это были «отношения», но не любовь.

Глава третья

Аня Кулько разводилась с Антоном Пьяных. Потому что собиралась стать нищей. Звучало невероятно, но если знать Кулько, то можно было не удивляться.

Жизни этих людей – Инны Соломатиной, Ани Кулько и Антона Пьяных – тесно переплелись. Можно даже сказать, историю каждого из них невозможно рассказать, не упомянув двух других. Аня Кулько и Инна Соломатина когда-то были подругами. И когда-то Инна и Антон были одной семьей. Это были те времена, когда поэтическая слава только пригревала Антона, когда Инна была безумно влюблена в этого красивого молодого человека и когда порок в виде алкогольного пристрастия отравлял их отношения. В те времена было все сложно и просто одновременно. Соломатина боролась и даже одержала победу. Но вот незадача – вместе с победой пришли усталость, раздражение и несогласие строить свою жизнь по расписанию талантливого спутника. Для решительного объяснения с Антоном Инна выбрала город Озерск, где проходил слет поэтов и куда они поехали вместе. Теперь, спустя годы, Инна знала, что все было неслучайным – и эта совместная поездка, и решающий разговор, и разрыв именно в этом маленьком городке. Были обстоятельства, которые помогли ей стать решительной именно здесь, в Озерске. Впрочем, речь сейчас не о той истории, речь о том, что

Аня Кулько, дама завистливая и склонная к интригам, быстро прибрала к рукам поэта Пьяных.

Жизнь с Антоном была не очень спокойной, но зато обеспеченной. Это на долю Соломатиной выпал «худой кошелек», как говорят немцы о бедности. Аня Кулько пришла на почти готовое – Антон издавался хорошими тиражами, имел успех и выступал в различных телевизионных ток-шоу. Кулько приложила все свои старания, и посыпались предложения выступать в провинциальных городах в составе актерских групп. Антон с выражением читал свои стихи, потом перешел на классиков. Их слушали лучше, и напрягаться с сочинительством не надо было. Человек критического склада ума заметил бы, что к чему Аня Кулько ни прикоснется, то вянет и осыпается. Так было с дружбой, так стало с творчеством, так стало с семьей Инны и Олега.

И вот наступил момент, когда Кулько прикинула шансы на ближайшие пять лет и решила, что с Антоном ей не по пути. Она подала на развод.

Антон Пьяных был красив, талантлив и в меру порочен. Когда-то он крепко пил, и это тяжелое время пришлось тоже на его жизнь с Инной Соломатиной. Но потом как-то все выправилось. «Как-то», впрочем, слово не очень точное. Инна испортила немало себе нервов, пока поэт взялся за ум. Результатом этих ее усилий был не только его трезвый образ жизни, но и ее прозрение. Однажды Инна вдруг поняла, что подчинила всю свою жизнь этому человеку, его проблемам

и его достижениям. За всем этим сама она была позабыта. Антон Пьяных очень переживал, но был подхвачен умелой и практичной рукой Ани Кулько. И вот сейчас вдруг эта самая Аня решила развестись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.